ШВЕЦИЯ: СМЕНА ПАРТИЙНОЙ ПАРАДИГМЫ

14 сентября 2014 г. в Швеции состоялись очередные выборы в национальный парламент (риксдаг). По их итогам сформировано двухпартийное правительство меньшинства, состоящее из Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) и Партии окружающей среды – “Зелёных”. Находившийся у власти правоцентристский “Альянс” (Умеренная коалиционная партия (УКП), Христианские демократы, Партия Центра и Народная партия – Либералы) перешёл в оппозицию. Кроме них, в риксдаге мандатного периода 2014–2018 гг. будут представлены тяготеющая к теперь уже правящей коалиции Левая партия, а также “третья сила” – противопоставляющие себя обоим блокам “Шведские демократы”, придерживающиеся националистических, евроскептических и антииммигрантских позиций.

Справочно: парламентские выборы в королевстве проходят раз в четыре года, по их итогам формируется национальный кабинет министров. В XXI в. шведы приходили к избирательным урнам уже четыре раза (см. таблицу 1). На политическом олимпе королевства доминируют две крупные партии – Социал-демократическая

Таблица 1.
Результаты парламентских выборов в Швеции в XXI в.

Год выборов	СДРПШ	Народная партия - Либералы	УКП	Партия Центра	Христианские демократы	“Левые”	“Зелёные”	“ШД”
2002	39,8%	13,4%	15,2%	6,2%	9,2%	8,4%	4,6%	1,4%
2006	35,0%	7,5%	26,2%	7,9%	6,6%	5,9%	5,2%	2,9%
2010	30,7%	7,1%	30,1%	6,6%	5,6%	5,6%	7,3%	5,7%
2014	31,0%	5,4%	23,3%	6,1%	4,6%	5,7%	6,9%	12,9%

© *Таршин Антон Сергеевич* – соискатель степени кандидата политических наук, Институт Европы РАН. *Адрес:* 125993, Москва, Моховая ул., 11-3.

E-mail: tarshin@yandex.ru.

Ключевые слова: Швеция, парламентские выборы, Райнфельдт, Лёвен, “Шведские демократы”, национализм.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soverope2201594106>

рабочая партия Швеции (СДРПШ) и Умеренная коалиционная партия (УКП), которые консолидируют вокруг себя другие партии левого и правого спектра соответственно. В XXI в. кабинеты имели различные форматы: однопартийное правительство меньшинства (СДРПШ 1998–2002, 2002–2006), коалиционное правительство большинства (“Альянс” во главе с УКП – 2006–2010), коалиционное правительство меньшинства (“Альянс” во главе с УКП – 2010–2014).

25 сентября 2014 г., когда после парламентских выборов в Швеции прошло уже полторы недели, а кабинет министров до сих пор не был сформирован, в ведущей ежедневной газете королевства “Свенска Дагбладет” вышла статья бывшего правительственного чиновника, социал-демократа Й. Келлнера под названием “Как могли шведы не выбрать Райнфельдта?”. По словам автора, с таким вопросом к нему обратились его норвежские коллеги, которых интересовало не то, кому Швеция отдала свои голоса, а что её побудило *не отдавать* их партии действующего премьер-министра. Однозначного ответа на вопрос норвежцев нет. Очевидно, что никаких откровенных провалов кабинет Райнфельдта не допустил, каких-либо резонансных трагических событий, в которых можно хотя бы косвенно обвинить правительство (как в случае с трагедией на острове Утёйя, устроенной А. Брейвиком, в той же Норвегии), в мандатный период не произошло. Таким образом, можно констатировать, что “Альянс” проиграл, что называется, по совокупности причин, которые будут подробнее рассмотрены ниже.

“Альянс” у власти (2006–2014 гг.)

“Альянс”, или “Альянс за Швецию”, как он изначально назывался, уходит своими корнями в 2004 г., когда лидеры четырёх партий правого фланга (Умеренная коалиционная партия, Партия Центра, Христианские демократы и Народная партия – Либералы) встретились с целью формирования единой программы для участия в выборах 2006 г. Союзники подошли к вопросу достаточно фундаментально, организовав шесть рабочих групп для подготовки соответствующих предложений (в частности, в сфере образования, социальной сферы, внешней политики и, конечно, экономики и рынка труда). По итогам работы данных рабочих групп был сформулирован предвыборный манифест, увидевший свет 23 августа 2006 г.

Ключевую ставку Райнфельдт и его сторонники сделали на развитие рынка труда. Подчёркивалась необходимость восстановления ценности и значимости трудовой деятельности, а основной задачей в случае прихода “Альянса” к власти провозглашалось создание предпосылок для открытия новых рабочих мест и снижения доли живущих на пособие сограждан (явный укор в сторону находившихся в тот момент у власти социал-демократов). При этом увеличение уровня занятости чётко увязывалось с моделью социального государства (больше рабочих мест – больше налогооблагаемая база – прочнее социальная система). “Работать (и открывать свой бизнес) должно быть выгодно” – пожалуй, основной тезис, с которым “Альянс” обратился к избирателям в 2006 г. Определённые шаги было также обещано сделать в борьбе с безработицей среди молодёжи. Из других лозунгов, помимо обтекаемых призывов “вдохнуть новую жизнь в демократию”, а также улучшить качество и доступность здравоохранения и снизить уровень преступности, можно выделить следующие. “Защита открытого общества” и “Швеция для всех” – было отмечено, что этнокультурное разнообразие обогащает общество, а неудачи интеграционной модели предыдущего кабинета следует исправить посредством более активного вовлечения мигрантов в процесс обучения языку и их более массового выхода на рынок труда (мигрантам, как и шведам, также должно быть выгоднее работать, а не

получать пособие по безработице, – предполагалось, что такой подход даст возможность, кроме того, решить проблему их “оторванности” от общества).

Попытка сыграть на поле своих оппонентов, критикуя их за слабые результаты в том числе в традиционно “левых” сферах, вроде занятости и безработицы (представители “Альянса” говорили об одном миллионе соотечественников, так или иначе находящихся вне рынка труда), во многом позволила правоцентристам склонить чашу электоральных весов в свою пользу: по итогам выборов-2006 они получили 178 мест в парламенте против 171 у СДРПШ, Левой партии и “Зелёных”. Четыре года спустя резкий скачок популярности “Шведских демократов” не дал четырём “буржуазным” партиям вновь сформировать правительство большинства, однако позволил остаться у руля ещё на один срок. Фредрик Райнфельдт занимал должность главы правительства Швеции дольше, чем кто-либо из его предшественников из числа представителей правоцентристских партий.

Результаты правления кабинета Райнфельдта

Естественно, восемь лет – это продолжительный период, вместивший много событий, достижений, скандалов, в разной мере отразившихся на репутации кабинета Ф. Райнфельдта и предопределивших результаты парламентских выборов-2014, по итогам которых в королевстве произошла смена власти. Остановимся на наиболее заметных из них.

Конечно же, правительством были сделаны шаги в сторону снижения некоторых налоговых ставок (на доходы компаний и, разумеется, отдельных работников, ресторанные услуги и т.п.), приняты меры по уменьшению государственного участия в экономике (прежде всего в вопросе приватизации госкомпаний, устранения монополии аптек на продажу некоторых лекарственных средств, либерализации рынка алкогольной продукции). Что касается общественной жизни страны, следует выделить отмену кабинетом Райнфельдта всеобщего призыва в вооружённые силы и принятие закона об однополых браках. Заявленная активизация внешнеполитических усилий нашла отражение в провозглашении и активном лоббировании (совместно с Польшей) программы “Восточное партнёрство”, направленное на вовлечение в орбиту ЕС постсоветских государств Восточной Европы и Закавказья, интенсификации участия Стокгольма в миротворческих операциях, в частности в Афганистане, а также сближении с НАТО.

Пребывание у власти “Альянса” было отмечено рядом скандалов, которые хоть и не шли в сравнение с “Уотергейтом”, но оказались достаточно симптоматичными и добавили их противникам дополнительных козырей в политической борьбе. В 2012 г. стало известно о сотрудничестве между НИИ Минобороны Швеции и Саудовской Аравией для строительства на территории арабского государства завода по производству вооружений. С целью обхода шведского закона, запрещающего взаимодействие в военной сфере со странами, грубо нарушающими права человека, проект был секретным, причём для его реализации была создана подставная компания. Всё это привело к резкой критике руководства ведомства и правительства в целом, министр обороны С. Тольгфорс ушёл в отставку.

В 2009 г. шведский государственный концерн Vattenfall приобрёл нидерландскую энергетическую компанию Nuon за рекордную для королевства сумму. Спустя четыре года выяснилось, что стоимость Nuon, будучи изначально завышенной, стремительно снизилась, и сделка превратилась из просто масштабной в масштабную по своей катастрофичности. Последовавшие за этим попытки СМИ и общественности выяснить, кто несёт персональную ответственность за столь провальное

решение, стоившее госкомпаниям нескольких миллиардов долларов, привели к невятному и не красящему правительство перекладыванию ответственности на уже не работающих в нём на тот момент чиновников и попыткам отвести удар от Райнфельдта лично в преддверии надвигающейся предвыборной кампании. Так или иначе, “дело Nuon” во многом подорвало представление об эффективности шведского госуправления, равно как и доверие к кабинету министров.

Что касается основных моментов, сыгравших действительно решающую роль в поражении право-центристов, то их, как представляется, три.

Миграция. Кабинет Райнфельдта проводил весьма либеральную линию по вопросам миграции, в том числе отстаивая необходимость приёма всё большего числа беженцев из регионов, где жители подвергаются разного рода опасностям. На фоне развития ситуации на Ближнем Востоке количество желающих отправиться в благополучную Швецию всё возрастало. Речь Ф. Райнфельдта, произнесённая летом 2014 г. и призывавшая сограждан “открыть сердца” для страждущих перебраться в королевство по политико-гуманитарным причинам, утвердило многих шведов во мнении: если так пойдёт и дальше, привычную Швецию будет не узнать. В 2013 г. миграция в королевство составила почти 116 тыс. человек, что на 20 тыс. больше, чем в 2006 г. и почти вдвое больше, чем в начале XXI в. (отчасти это объясняется ростом потока беженцев из зон конфликта, прежде всего в Сирии, но тенденция к увеличению числа мигрантов налицо). Что интересно, и количество уезжающих из страны растёт, хотя и не такими темпами¹.

Финансово-экономический кризис, безусловно, отразился на экономике всех стран Европы не лучшим образом. Швеция в этом смысле исключением не стала, и во многом именно глобальная финансовая турбулентность подпортила статистические показатели правительства Райнфельдта в контексте, к примеру, той же безработицы. Её общий уровень возрос с наблюдавшихся в январе 2007 г. 6,4% до 8,0%. Аналогичный показатель в отношении молодёжи и вовсе превысил 23%, тогда как отмечавшиеся восемь лет назад 19% с небольшим уже тогда считались недопустимыми. Наконец, именно при правоцентристах (!) зафиксирован дефицит государственного бюджета, а ведь они обещали народу Швеции присматривать за государственными расходами, предполагая меньшую расточительность, чем их оппоненты из левого лагеря. Справедливости ради следует заметить, что ситуация в экономике и финансовой сфере королевства несравнимо лучше той, что наблюдается в большинстве стран ЕС, и в немалой степени это заслуга “Альянса” (в 2011 г. А. Борг признавался авторитетной Financial Times лучшим министром финансов в ЕС).

Вследствие сохраняющегося формально нейтрального статуса королевства **вопрос поддержания обороноспособности** страны возникает с завидной регулярностью, однако далеко не всегда это происходит с такой остротой, как в течение последних двух-трёх лет. Так, сделанные в начале 2013 г. заявления главнокомандующего ВС Швеции С. Йоранссона о возможности Стокгольма обороняться самостоятельно в течение всего одной недели, да и то на ограниченном ТВД, и произнесённые несколько недель спустя на шведской земле слова генсека НАТО Расмуссена об отсутствии гарантий в помощи Альянса стране, формально в него не входящей, выглядели хорошо срежиссированными действиями, льющими воду на мельницу сторонников вступления Швеции в НАТО. Так или иначе, критике подвергся

¹ Центральное статистическое бюро Швеции - <http://www.scb.se/sv/Hitta-statistik/Statistik-efter-amne/Befolkning/Befolkningens-sammansattning/Befolkningsstatistik/25788/25795/Helarsstatistik---Riket/26046/>

правлящий кабинет королевства, который, дескать, не способен организовать защиту рубежей страны самостоятельно и в то же время не предпринимает мер по присоединению к влиятельному военно-политическому блоку.

Предвыборная кампания и статистика голосования

Как бы то ни было, что “Альянс” не удержится у власти по итогам сентябрьских выборов и в стране произойдёт смена правительства, было понятно, надо прямо сказать, задолго до дня голосования. Более того, пожалуй, о таком развитии событий с достаточной степенью уверенности можно было говорить уже в 2013 г.: слишком стабильно пессимистичными для партий “Альянса” выглядели цифры соцопросов. За год до выборов популярность правящей УКП была заметно ниже, чем у СДРПШ. Так, в октябре 2013 г., согласно опросам Шведского института изучения общественного мнения, социал-демократам были готовы отдать своё предпочтение 35,6%, тогда как УКП – всего 25%. Ситуация для кабинета Райнфельдта усугублялась тем, что партнёры УКП по “Альянсу” – Партия Центра и Христианские демократы – вообще балансировали на грани непопадания в риксдаг.

Интересно проанализировать числовые и процентные показатели голосования. Все четыре партии “Альянса” продемонстрировали результаты хуже, чем в 2010 г. То же самое относится и к “Зелёным”, которым за несколько месяцев до волеизъявления предрекали двузначные числа электоральной поддержки. Из трёх партий левой оппозиции СДРПШ и Левая партия смогли привлечь большее число избирателей, чем в 2010 г., однако всего на 0,35% и 0,11% соответственно. Социал-демократы так же, как и УКП, растеряли часть голосов в течение 2014 г. и финишировали со скромными для них 31,1% голосов. Меньше последователи Таге Эрландера и Улофа Пальме получали только в 2010 году (30,7%), когда лидером партии была Мона Салин, а ведь тогда это был проигрыш, теперь же практически идентичный результат (разница в 0,35%) должен восприниматься в качестве долгожданной победы? Подобный кредит доверия от народа Швеции ставит Стефана Лёвена и его коллег в непростое положение. В целом же, как представляется, выборы отчётливо выявили набирающую в стране обороты тенденцию к снижению популярности “старых” политических сил со стороны населения королевства.

Анализ распределения голосов избирателей по регионам позволяет увидеть анатомию выборов более глубоко, чем дают возможность общие цифры. Прежде всего бросается в глаза провальное выступление правящей партии в целом по стране. УКП уверенно переиграли социал-демократов разве что в Стокгольме, набрали немного больше конкурентов в Гётеборге. То есть, если убрать за скобки поддержку двух крупнейших городов, показатели УКП по стране оказываются не просто слабыми – провальными. Одновременно именно в Стокгольмском регионе оказалось меньше всего сторонников социал-демократов: в отдельных округах за них голосовало 4–5% избирателей, тогда как за партию Ф. Райнфельдта более 50 и даже 60%. Социал-демократы продемонстрировали в подавляющем большинстве ленов результаты лучше, чем в целом по Швеции. Выше всего поддержка СДРПШ на севере королевства: в самом северном лене страны Норботтене партии симпатизирует 49% избирателей, в Вэстernоррланде – 46,5%, Вэстерботтене – 42,3%, Емтланде – 40,1%. В этих регионах расположено немало промышленных предприятий со значительным количеством занятых и мощными профсоюзами – классический электорат социал-демократов. В других регионах – преимущественно центральной и восточной Швеции – показатели несколько ниже, но всё равно внушительны: Даларна – 35,7%, Вэрmland – 39,4%, Эребру – 37,1%, Вэстманланд – 36,1%.

Таким образом, можно констатировать, что противоречия между мегаполисом и провинцией в современной Швеции присутствуют неожиданно более резко, чем могло показаться. Несмотря на попытки СДРПШ стать “своими” для современного, молодого и активного в предпринимательском плане избирателя, партия и во втором десятилетии XXI столетия получает голоса примерно той же части электората, что и полвека назад, а общее снижение её популярности во многом пропорционально изменению классовой структуры общества, когда сфера услуг постепенно расширяется за счёт промышленности.

Феномен “Шведских демократов” на фоне просистемных партий

Многие аналитики и журналисты назвали единственными победителями выборов-2014 “Шведских демократов”. Националисты улучшили свои показатели более чем вдвое, что в количественном выражении означает увеличение электоральной поддержки партии на 461,5 тыс. человек (!). Для Швеции, население которой составляет 9,7 млн человек, такие результаты подобны грому среди ясного неба. Многие шокированы даже не столько тем фактом, что партия стала третьей по популярности политической силой в стране после социал-демократов и “умеренных”, но и поистине небывалым уровнем поддержки, который проглядели социологи, составляя предвыборные графики. Впрочем, причина в данном случае достаточно банальна: в Швеции не все готовы признать в том, что собираются отдать голос за “Шведских демократов” – в по-прежнему толерантной и проиммигрантской стране значительная часть населения не склонна честно заявлять о своих симпатиях, отвечая на вопросы анкеты, – что тем не менее не помешало им действовать более решительно в кабинке для голосования.

В предвыборный период “Шведские демократы” стали объектом острых нападок со стороны всевозможных политических сил, однако, что любопытно, больше всех усердствовал премьер-министр Ф. Райнфельдт, и это удивило даже некоторых его коллег по “Альянсу”. “Шведские демократы” привносят ненависть в шведскую политику”¹, – так охарактеризовал глава шведского кабинета министров деятельность партии, занявшей третье место на общенациональных парламентских выборах. Райнфельдт верно определил то, что ещё несколько лет назад показалось бы совершенно невероятным: “Шведские демократы” стали, по сути, прямыми конкурентами УКП, и слабые результаты “Альянса” связаны отчасти и с тем, что часть именно его электората, а не красно-зелёной оппозиции, перетекла к националистам.

В преддверии выборов порой создавалось впечатление, что различные политические силы страны рассматривают в качестве своей основной задачи не собственную победу или, по крайней мере, ослабление прямых конкурентов из противоположного лагеря, а недопущение укрепления позиций в парламенте “Шведских демократов”. В помощь партиям пришли основные средства массовой информации, пытавшиеся всячески дискредитировать Й. Окессона и его соратников. Главный редактор ведущей ежедневной газеты королевства “Дагенс Нюхетер” П. Володарски не скупился на образные выражения, отмечая, в частности, что риторика и идеи “ШД”, имеющей “неонацистские корни”, заимствованы “из иного, мрачного времени”. Ещё одно тактическое оружие заключалось в том, что журналисты старались убедить шведского избирателя в отсутствии у депутатов от “Шведских демократов” достаточной квалификации для работы в выборных органах и, как следствие, возможности достойно представлять интересы народа. Тем не менее, как ча-

¹ Газета “Экспрессен”, <http://www.expressen.se/nyheter/reinfeldt-sd-for-in-hat-i-svensk-politik>

сто бывает в подобных случаях, попытка организовать изоляцию политического течения, маргинализировать его имеет обратный эффект.

И если раньше противники "ШД" могли характеризовать электорат партии, составивший десятки доли процента, как расистов, неофашистов и прочих деструктивных элементов, то отзываться подобным образом в отношении 13 % населения королевства невозможно. Высокие показатели поддержки партии говорят о том, что сегодня за неё голосуют представители совершенно разных социальных групп. Параллельно "Шведские демократы" предпринимают всё более акцентированные попытки своей институционализации, стремятся к снижению уровня эпатажности и постепенно переходят к классической партийной работе. Новый руководитель фракции "ШД" в риксдаге М. Карлссон полагает, что "в Швеции должно вырасти консервативное движение... Я хочу расширить деятельность партии: мозговые центры, СМИ...". Карлссон также рассчитывает, что в королевстве произойдут схожие трансформации, что имели место в соседних Дании и Норвегии, где силы националистического и евроскептического толка – Датская народная партия и Партия прогресса соответственно – стали полноправными членами политической системы.

При этом вполне очевидно, что немой консенсус левой и правой коалиций по вопросам европейского проекта и миграционной политики будет привлекать всё большее число шведов к альтернативным проектам.

Ведущие партии Швеции – СДРПШ и УКП – делегируют своих депутатов в крупнейшие фракции Европарламента: Альянс социалистов и демократов и Европейскую народную партию соответственно. То есть тон в шведской политике вне зависимости от того, правый или левый блок находится у власти, задают т.н. просистемщики, которые полагают, что ЕС в его нынешнем виде имеет ряд недостатков, но принципиально европейская интеграция движется в верном направлении. Однако подобный подход идёт несколько вразрез с историческим характером отношений Швеции и Евросоюза, которое традиционно было весьма осторожным. Шведы и в ЕС вступили меньше двадцати лет назад, и от присоединения к еврозоне воздерживаются твёрдо и осмысленно. Мировой финансовый кризис в этом контексте и вовсе заставил многих подданных короля Карла Густава XVI задуматься, а так ли много плюсов от евроинтеграционных уз, становящихся год от года всё более тесными, в особенности когда пример соседней Норвегии показывает, что теоретически усидеть на двух стульях возможно: и в зону свободной торговли с Евросоюзом входить, и суверенитетом своим не поступаться. "Шведские демократы" весьма умело воспользовались кризисными явлениями в европейской экономике, чтобы без лишних эмоций и двусмысленных риторических приёмов донести до избирателя идею о том, что благополучная и конкурентоспособная Швеция нуждается лишь в этой самой зоне свободной торговли с остальной Европой, а экономическое сближение другого толка на руку лишь слабым членам ЕС. Кроме того, передача всё большего числа полномочий в Брюссель лишает Стокгольм возможности эффективно решать местные проблемы, а ведь кто, как не сами шведы, лучше знает, что и как делать в своей стране?

Вторая составляющая популярности "ШД" имеет, пожалуй, не менее глубокие исторические корни, чем евроинтеграция. Всего столетие назад и даже в середине XX в. Швеция была, по сути, гомогенной в этническом отношении страной. Волны миграции на европейский континент, начавшиеся после Второй мировой войны, сказались на королевстве, конечно, не в такой степени, как на государствах-метрополиях, ставших принимать страждущих из своих бывших колоний, но про-

блема в том, что в 10-миллионной Швеции изменения в этническом составе населения становятся заметны ещё быстрее, чем в тех же Франции и Великобритании. Сегодня 1,5 миллиона человек, или 16% жителей королевства, имеют иностранное происхождение. При этом в Центральном статистическом бюро Швеции прогнозируют, что в ближайшие годы показатели миграции будут находиться на рекордно высоком уровне. В 2013 г. шведы столкнулись с тем, чего они так хотели бы избежать: в стокгольмских пригородах прошли первые в истории королевства массовые этнические беспорядки. И хотя о парижских масштабах речи не шло и в ближайшие годы речи идти не будет, для многих шведов эти случаи стали ясным сигналом.

Эти два аспекта лежат на поверхности, и именно они обеспечили “Шведским демократам” значительную часть их электоральной поддержки. Впрочем, есть ещё один момент, который сложно поддаётся статистическому анализу, однако, как представляется, он также сыграл определённую роль в итоговом распределении голосов. Шведский избиратель несколько разочарован представленными в риксдаге партиями, между которыми становится всё меньше различий, а ответы на острые для общества вопросы получают с их стороны обтекаемые ответы. Не секрет, что в современной Европе разделение на правый и левый фланги политического спектра становится всё более размытым и противостояние между условными “социалистами” и “консерваторами” середины прошлого века уже во многом потеряло актуальность. И если в двухпартийной системе на два условных лагеря электорат ещё хоть как-то разделиться может, то, когда каждый из флангов представлен 3–4 партиями, как это происходит в Швеции, голосующим приходится определяться не только с лагерем, но и понять, в чём отличие между формирующими его политическими силами. На минувших выборах три из четырёх партий находившегося в течение восьми последних лет у власти “Альянса за Швецию” испытали трудности с преодолением 4-процентного барьера, и эта ситуация в целом красноречиво описывает рассматриваемую проблему.

“Многоцветное” правительство

Лидер Партии Центра, ушедшая в отставку по итогам голосования бывший министр экономики, энергетики и коммуникаций Швеции Анни Лёёф полагает, что, уступив на выборах, “Альянс” буквально пригласил С. Лёвена и его правительство “к накрытому столу”¹, – так высоко Лёёф оценивает результаты восьмилетней работы кабинета Ф. Райнфельдта. Безусловно, буржуазному блоку есть что занести себе в актив, однако на политический век – каким бы долгим он ни был – красно-зелёной коалиции требующих решения вопросов хватит с лихвой. Поэтому запас прочности, с которым новое правительство начинает свой срок у руля королевства, вызывает определённую обеспокоенность.

Как правило, в первые месяцы своего пребывания у власти правящие кабинеты располагают серьёзным кредитом доверия, который расходуется постепенно, с первыми серьёзными ошибками. В случае команды Лёвена складывается устойчивое впечатление, что красно-зелёные, выражаясь спортивным языком, словно имеют в своём пассиве штрафные секунды и вынуждены уходить со старта гонки с заведомо невыгодных позиций.

Правительство меньшинства – к такому формату Швеции не привыкать: кабинеты социал-демократов У. Пальме, И. Карлссона и Й. Перссона представляли собой однопартийное правительство меньшинства. Социал-демократам, как мы ви-

¹ Официальный сайт Партии Центра, <http://www.centerpartiet.se/2014/10/02/annie-loof-jag-tanker-vara-en-nagel-og-at-stefan-lofven/>

дим, в свою очередь, не привыкать брать на себя единоличную ответственность за судьбу страны. Другое дело, что во всех вышеупомянутых случаях поддержка СДРПШ среди шведов была выше или существенно выше нынешней. В сложившейся ситуации необходимость формировать коалицию уже ставила Лёвена в непростое положение, из которого – с учётом распределения голосов избирателей – идеального выхода быть не могло априори. В итоге было принято решение о создании двухпартийного кабинета, а “Левые” приглашения в коалицию демонстративно не получили.

Следующий момент, на котором следует остановиться, – это *качественный состав* кабинета Лёвена. Сам новоиспечённый премьер-министр считает, что для решения стоящих перед страной проблем он собрал “очень компетентную команду”¹, однако мнения на этот счёт разнятся, причём с заметным перевесом не в его пользу. Выбор персоналий на министерские посты вызвал удивление не только у многих соотечественников, но и за рубежом, а приговор журналистов категоричен: “Пожалуй, это самое слабое правительство за десятилетия”. Из 24 министров только 4 (!) обладают опытом пребывания на должностях такого уровня, ещё трое работали в правительственной канцелярии. Зато Лёвен решил последовать примеру своей норвежской коллеги Э. Сульберг, в сформированном в прошлом году правительстве которой был из принципиальных соображений соблюден гендерный паритет (в шведском правительстве 12 женщин и столько же мужчин). В кабинете 18 социал-демократов и 6 “зелёных”. Это, к слову, означает, что партия, набравшая менее 7% голосов национального электората, получает четверть от общего количества портфель в правительстве.

Среди министров, безусловно, есть политики, которых можно назвать “тяжеловесами”. Это Магдалена Андерссон, занявшая пост министра финансов – ключевую должность в шведской системе политических координат. Андерссон – профессиональный экономист, уже находившаяся однажды на должности статс-секретаря этого ведомства. В последние два с лишним года она была спикером по экономическим вопросам социал-демократов, при этом, как и сам Лёвен, не являясь депутатом риксдага. Успехом Лёвена называют возвращение в большую политику в качестве министра иностранных дел 60-летней Марго Вальстрём, в своё время работавшей на должностях первого зампреда Евромиссии и специального представителя генсека ООН. Для Москвы это, пожалуй, более предпочтительный вариант, чем её предшественник К. Бильдт, даже по шведским меркам считающийся русофобом. Министром обороны стал бывший глава соответствующего парламентского комитета Петер Хюльтквист. Закономерным выглядит назначение ключевой фигуры “Зелёных” Осы Ромсон на должность министра по вопросам, естественно, климата и окружающей среды, получившей вдобавок статус вице-премьера.

В то же время профсоюзный деятель из Гётеборга Анника Страндхэлль, 27-летняя чиновница уровня коммуны с югославскими корнями Аида Хаджиалич, а также ещё один руководитель местного уровня из северного городка с пяти тысячным населением Свен-Эрик Бухт едва ли широко известны за пределами своих регионов. Тем не менее они стали министрами по вопросам социального страхования, среднего образования и сельского хозяйства соответственно. Причём Хаджиалич стала самым молодым министром в истории своей новой родины.

Бросается в глаза и этнический состав кабинета. Аида Хаджиалич, Ардалан Шекараби, Ибрахим Байлан, Мехмет Каплан и Элис Бах Кухнке – новые имена шведской политики. Впрочем, если разобраться, “новыми” многих из них можно

¹ “Шведское радио”, <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=5981751>

назвать условно: тот же Каплан был лидером фракции “Зелёных” в парламенте, сын беженки из Ирана Шекараби возглавлял молодёжное отделение СДРПШ, председателем комитета риксадага был Байлан. Однако для определённой части общества, которая во многом консолидируется вокруг “Шведских демократов”, эти кадровые решения посылают весьма недвусмысленный сигнал. И сигнал этот, по всей видимости, материализуется примерно в таких мыслях: “Тридцать лет назад уроженец Турции, бывший за несколько лет до своего назначения председателем “Молодых мусульман Швеции” и пресс-секретарём Шведского мусульманского совета, едва ли мог получить подобный пост”. Если своей политикой на должности премьер-министра С. Лёвен планирует хотя бы отчасти снизить популярность крайне правых, то начало, надо признать, способствует, скорее, обратному.

Новый премьер-министр

Следует сказать несколько слов и о *главе кабинета министров*, тем более что именно с его приходом на должность лидера СДРПШ в начале 2012 г. связано преодоление острого партийного кризиса. За многолетнюю историю СДРПШ лишь трое её лидеров умудрились не стать премьер-министрами Швеции, и двое из них были непосредственными предшественниками Лёвена на данном посту: Мона Салин (2007–2011) и Хокан Юхольт (2011–2012). В эти годы партию лихорадило, и вопрос поиска “правильного” человека стоял остро, как, возможно, никогда ранее. И когда в начале 2012 г. Юхольт уступил место Лёвену, стало ясно, что неожиданным выбором социал-демократы попали в точку.

Биография С.Лёвена делает его своим человеком для шведского рабочего класса и как минимум вызывает уважение у оппонентов. Лёвен родился в Стокгольме, однако ему не было ещё и года, когда он отправился в медвежий угол в северной части страны к приёмным родителям – его мать не могла прокормить второго сына. Вслед за отчимом Стефан стал рабочим в лесопромышленном комплексе, отслужил срочную службу в армии, затем переехал в значимый в северо-восточной части страны портово-промышленный центр Эрншёльдсвик, где работал сварщиком на машиностроительном гиганте Håggglunds AB. Однажды Лёвен обратил внимание, что в досуговой комнате на предприятии не было стульев, что доставляло рабочим неудобства, – так началась его профсоюзная карьера, которая в 2005 г. привела его к посту председателя одного из ведущих профсоюзов Швеции IF Metall, в 2006 г. он вошёл в Исполнительный комитет СДРПШ.

Ближайшие цели новых властей

Основные контуры политики двухпартийного правительства под руководством С. Лёвена были обозначены им в ходе официального обращения к парламенту в октябре 2014 года¹. В начале своего выступления новоиспечённый премьер заявил, что положение в стране серьёзное. Безработица, спад в школьном образовании и здравоохранении, увеличение разрыва между бедными и богатыми, а также, конечно же, между мужчинами и женщинами – набор не устраивающих социал-демократов вопросов в принципе не меняется десятилетиями. В этом году – с учётом партнёров по правительственной коалиции – бросился в глаза упор также на “зелёную” повестку.

В то же время Лёвен постарался развеять опасения осторожно относящихся к левоцентристам деловых кругов, анонсировав увеличение вложений в инфраструктурные и жилищные проекты, а также инвестиции в транспортную инфраструктуру.

¹ <http://www.regeringen.se/sb/d/3039/a/247180>

ру, прежде всего железнодорожную. С целью недопущения потери позиций Швеции на глобальном рынке прорывных технологий было объявлено о создании Инновационного совета во главе с премьер-министром. Кроме того, было обещано, что избранная новым кабинетом стратегия по стимулированию занятости позволит Швеции стать страной с самым низким уровнем безработицы среди членов ЕС к 2020 г. На этом фоне необходимо признать, что ведущие представители финансово-промышленных кругов королевства к приходу социал-демократов в целом и Лёвена в частности к власти подготовились заранее: чего стоит специальное приглашение, которое тот получил от главы самой могущественной семьи Швеции – Валленбергов – посетить встречу пресловутого Бильдербергского клуба, объединяющего сильных мира сего, ещё два года назад. Тогда “презентация” Лёвена европейской элите выглядела в том числе как благословение или по крайней мере согласие Валленбергов на предстоящую смену правящей коалиции в стране.

Реверанс в сторону партнёров по коалиции: вопросы изменения климата названы “судьбоносными”, а снижение выбросов в атмосферу и развитие “зелёных” технологий – одним из крупнейших вызовов времени. При этом было отмечено, что инвестиции в экологические проекты способствуют созданию дополнительных рабочих мест, то есть благотворно влияют на экономический рост. Чтобы окончательно успокоить промышленников, Лёвен добавил, что стране нужен надёжный доступ к электроэнергии по конкурентоспособным ценам, а энергетическая стратегия страны будет определяться совместно с оппозицией в рамках специальной комиссии.

Обращаясь к главе парламента и к нации, премьер-министр объявил, что новое правительство Швеции – “*феминистическое*”, а вопросам равноправия, в том числе сокращению разницы в заработной плате мужчин и женщин, будет уделено особое внимание. Это весьма симптоматично на фоне позиции опять-таки Й. Окессона. Тот на провокационный вопрос, феминист ли он, последовательно отвечает, мол, нет, “я шведский демократ, социал-консерватор и националист”¹. Кроме того, в 2016 г. может быть представлен законопроект, вводящий квоты для женщин в руководящих органах госкомпаний (инициатива обсуждается не первый год и мнения в её отношении, мягко говоря, разнятся).

Улучшения должны коснуться сферы здравоохранения, ухода за престарелыми, социального страхования, культуры. Уделено внимание было и гуманитарно-демократической повестке. Не упоминая напрямую “Шведских демократов”, глава правительства отметил, что разным формам ксенофобии не место в королевстве, а с расизмом будут бороться, начиная с уровня начальных классов школы. Более того, в стране будет создан национальный исследовательский центр в области расизма, а органы власти намерены способствовать сокращению количества соотечественников, становящихся членами организаций подобного толка. Что касается беженцев из других государств, то Стокгольм по-прежнему намерен принимать их в массовом порядке, однако рассчитывает на более равномерное распределение ответственности в этой сфере с другими государствами ЕС.

Нюансы внешней политики

Международная повестка заняла в программе Лёвена особое место. Глава кабинета признал, что новое правительство приступает к исполнению своих обязанностей в тревожное время – на фоне конфликтов в Ираке, Сирии и на Украине. В сложившихся условиях голос Стокгольма как поборника мира, свободы и прав че-

¹ Газета “Афтонбладет”, <http://www.aftonbladet.se/nyheter/article19307193.ab>

ловека должен звучать на мировой арене громче, и королевство будет принимать более деятельное участие в урегулировании мировых конфликтов.

Едва ли мы были вправе ожидать от социал-демократа Лёвена кардинально иной позиции в отношении России по сравнению с той, что демонстрировали в кабинете его предшественника, однако можно было рассчитывать услышать всё же более взвешенные и объективные слова, нежели “аннексия Крыма – это нарушения международного права” и “дестабилизация Украины со стороны России”¹. Тем не менее этого не произошло, и новый премьер продемонстрировал покорную готовность следовать в фарватере Вашингтона и Брюсселя по украинскому вопросу. Положительным моментом для Москвы стали слова председателя шведского правительства – на фоне непрекращающихся попыток подогреть тему необходимости присоединения Швеции (да и Финляндии) к НАТО – о том, что внеблоковый статус королевства уже не раз доказал свою эффективность, в связи с чем Стокгольм не намерен претендовать на членство в альянсе. При этом военное сотрудничество государств Северной Европы (прежде всего между Стокгольмом и Хельсинки) необходимо, по его мнению, активизировать. Сенсацией стала объявленная Лёвеном готовность признать Палестину в качестве независимого государства, что вызвало гневную реакцию Тель-Авива и неоднозначное отношение некоторых коллег по западному лагерю. В феврале 2015 г. в Стокгольме начало работу посольство Палестины.

Неожиданное развитие событий

Жизнеспособность правительства Лёвена была поставлена под сомнение уже спустя считанные недели после начала работы кабинета. Камнем преткновения в его деятельности стал проект бюджета на 2015 г. По сложившейся традиции, партии предлагают риксдагу на рассмотрение свой проект и, соответственно, голосуют за него. Поэтому даже критика правительственного бюджета со стороны правоцентристов позволила бы представленным в кабинете партиям набрать необходимое число голосов. Однако именно в этот момент проявилась вся “несистемность” “Шведских демократов”, которые вместо поддержки собственной инициативы, заведомо не имевшей шансов на успех, предпочли выбрать из двух зол меньшее и отдать голоса в пользу бюджета “Альянса”. Налицо был правительственный кризис, досрочные выборы казались неизбежными. Однако незадолго до нового года шести партиям (коалиционного кабинета и “Альянса”) удалось согласовать новые правила игры и избежать повторного волеизъявления. С целью выхода из политического тупика право-центристы согласились отозвать свои голоса и позволить правительству меньшинства всё же проводить в жизнь собственный – хоть и несколько скорректированный – проект финансового документа. Партиями был разработан и одобрен механизм, облегчающий возможности функционирования правительств меньшинства в стране. Суть этой новации: кандидат от партийной коалиции может стать премьером, если наберёт голосов больше, чем представитель любой другой коалиции. Вопросы обороны и безопасности, энергетики и пенсионного обеспечения должны по-прежнему оставаться предметом межкоалиционного консенсуса. Очевидно, что новые правила игры на политическом поле королевства, заставившие пойти на межкоалиционное взаимодействие, возможность которого так отрицали правоцентристские партии в предвыборный период, стал ответом на возросший политический вес “Шведских демократов” и, как следствие, попыткой

¹ Официальный сайт правительства Швеции, <http://www.regeringen.se/sb/d/3039/a/247180>

нейтрализации их влияния на принятие решений в риксдаге. Однако новая конфигурация политической жизни Швеции вызывает ряд вопросов, в частности:

– в какой степени партии “Альянса” могут называть себя “оппозицией” и насколько в действительности велики расхождения между партиями различных флангов политического поля;

– не приведёт ли новая схема власти к разочарованию шведского избирателя как в просистемных партиях, так и национальной политической системе и, как следствие, к росту популярности “Шведских демократов” как якобы единственной по-настоящему оппозиционной партии;

– насколько новые правила игры отвечают демократическим принципам и что думают по этому поводу 13% избирателей, мнение которых в результате декабрьского соглашения демонстративно игнорируется.

По всей видимости, предварительные ответы на эти вопросы можно будет дать уже в текущем году.

Список литературы

Исаев М.А. – др. (2000) Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. Москва, РОССПЭН.

Могунова М.А. (2001) Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. Москва.

Плевако Н.С. (2008) Сотрудничество правых партий Швеции: итоги и перспективы. // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее, Доклад ИЕ РАН № 210, Москва.

Швейцер В.Я. (2014) Выборы в Европейский парламент: сдвиги на партийно-политическом пространстве. – *Современная Европа*, № 4.

Швейцер В.Я. (2013) Европа: метаморфозы партийно-политических систем в начале XXI века. – *Современная Европа*, № 3.

References

Isaev M.A. – others. (2000) Politicheskaya sistema stran Skandinavii i Finlyandii. Moskva, ROSSPEN.

Mogunova M.A. (2001) Skandinavskiy parlamentarizm. Teoriya i praktika. Moskva.

Plevako N.S. (2008) Sotrudnichestvo pravyykh partiy Shvetsii: itogi i perspektivy. // Evropeyskie pravye: proshloe, nastoyashee, budushee. Doklad Instituta Evropy RAN № 210, Moskva.

Shveytser V.Y. (2014) Vybory v Evropeyskiy parlament: sdvigi na partiyno-politicheskom prostranstve. – *Sovremennaya Evropa*, № 4.

Shveytser V.Y. (2013) Evropa: metamorfozy partiyno-politicheskikh system v nachale XXI veka. – *Sovremennaya Evropa*, № 3.

Sweden: Change of the political paradigm

Author. Tarshin, Anton. Applicant, political science, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125993. **E-mail:** tarshin@yandex.ru.

Abstract. The Alliance, which ruled the Kingdom for 8 years, lost the parliament elections and vacated its place to their opponents – the center-left opposition that formed a two-party minority government (the Social Democrats and the “Green” party). The reasons for the failure of the center-right coalition government are not obvious, but the key spheres where the Alliance was severely criticized, were immigration policy, social issues, and defense. At the same time, the elections have shown the drastic rise of the Swedish Democrats, a nationalist party opposing mass immigration and further European integration, that came third. Thus, the new political configuration is being formed in Sweden, with the decrease of support for the “traditional” parties and the Swedish Democrats gaining the “water breaker” status.

Key words: Sweden, parliament elections, Swedish democrats, Reinfeldt, Löfven, Swedish Social Democratic Party.